

Использование Японией опыта российского казачества при освоении новых территорий (о. Хоккайдо, оккупированные земли Северо-Восточного Китая)

Олег Игорьевич Сергеев,

кандидат исторических наук, заведующий Отделом истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: history37@mail.ru

Во второй половине XIX и первой половине XX вв. Япония в ходе освоения новых земель, как собственных (о. Хоккайдо), так и оккупированных в результате агрессии против Китая (марионеточное государство Маньчжоу-Го), успешно использовала опыт российского казачества по заселению, хозяйственному обустройству и обороне «пионерских» территорий. Необходимо было эти территории осваивать с минимальными финансовыми затратами, используя для выполнения различных задач особую группу населения. В России это были казаки, в Японии — солдаты-земледельцы (*тондэнхэй*). Японские власти организовали многочисленные поездки авторитетных людей в Россию с целью изучения казачьего опыта, глубоко анализировали его и весьма успешно применяли на практике в условиях о. Хоккайдо. Что касается колонизации Японией территории Северо-Восточного Китая (Маньчжоу-Го), то и здесь пытались, в ряде случаев успешно, использовать опыт казаков-эмигрантов. Но в целом такой подход исторически был обречён на провал. В статье впервые в историографии сравниваются и анализируются события разных периодов и географических рамок с точки зрения российского казачьего опыта и его использования Японией. Статья базируется как на архивных материалах, так и на работах российских и зарубежных (прежде всего японских) авторов.

Ключевые слова: Россия, Япония, освоение пионерских территорий, казачество, солдаты-земледельцы (*тондэнхэй*).

Development of new territories by Japan based on experience of the Russian Cossacks (Hokkaido, occupied lands in North-Eastern China).

Oleg Sergeev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: history37@mail.ru.

In the second half of the nineteenth century and the first half of the twentieth century, Japan, during the development of new lands, its own (Hokkaido) and occupied as a result of aggression against China (the puppet state Manchukuo),

successfully used the experience of Russian Cossacks for settlement, economic and defense arrangement of the “pioneer” territories. It was necessary to explore these areas with minimum financial costs using a single population group for accomplishment of a variety of objectives. In Russia, it was done by the Cossacks, in Japan — by the soldier-farmers (*tondenkhey*). The Japanese authorities organized numerous trips of significant people to Russia in order to study the experience of the Cossacks, analyzed it deeply and used successfully in practice under the conditions of the island of Hokkaido. As for the colonization of North-east China (Manchukuo) by Japan, there was also an attempt to use the experience of the Cossacks emigrants which happened to be often successful. But on the whole, such approach was historically doomed to failure. For the first time in historiography, the paper compares and analyzes the events of different periods and geographical scopes from the point of view of the Russian Cossack experience and its usage by Japan. The article is based on both archive materials and on the works of Russian and foreign (mainly Japanese) authors.

Keywords: Russia, Japan development of pioneer territories, Cossacks, soldiers-farmers (*tondenkhey*).

Вторая половина XIX в. и в российской, и в японской истории ассоциируется с важнейшими социально-экономическими и политическими процессами, связанными с коренными буржуазными преобразованиями общества. В России это были реформы 60—70-х гг., осуществлённые Александром II и начавшиеся освобождением крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. В Японии это эпоха после Реставрации Мэйдзи, зафиксированная в нашей историографии как «незавершённая буржуазная революция». Как в России, так и в Японии развитие общества шло в значительной степени под знаком усвоения европейского и американского опыта. Одна из ключевых фигур японского правительства 70-х гг. XIX в. Окубо Тосимити — «японский Бисмарк» — отмечал, что в «государствах Россия и Пруссия есть много такого, что непременно должно стать образцом» [8, с. 82].

Первоначально основной долгосрочной задачей при колонизации новых регионов и для России, и для Японии была их защита от внешней опасности. При этом чётко прослеживается своеобразие систем административного и военного управления указанными территориями в отмеченный период. Эти системы включали жёсткое подчинение центру и, одновременно, значительную самостоятельность региональной администрации в решении местных вопросов.

Той же задачей определялся в указанный период и особый состав переселенцев на дальневосточные окраины России и на о. Хоккайдо: таковыми были российские казаки и японские солдаты-земледельцы (*тондэнхэй*).

Освоение острова изначально имело военно-стратегические цели. Это обуславливалось, в частности, существующей, по мнению японского правительства, «опасностью с севера». Уже вербовка первых переселенцев 1869 г. шла под девизом «заселить важный для обороны страны район». А к началу 1874 г. был окончательно решён вопрос о формировании

на Хоккайдо новой категории колонистов — военных поселенцев *тондэнхэй*. То есть речь шла о «создании военных основ обороны на острове» [10, с. 32, 35—36].

Важной особенностью обустройства Хоккайдо на начальном этапе было активное использование иностранных достижений в этой области, прежде всего западных. Но и Россия имела богатый опыт пионерского освоения окраинных регионов, в т.ч. привлечения казаков для реализации указанных целей. Поэтому российский казачий опыт также было решено использовать на Хоккайдо при развёртывании здесь системы военных поселений *тондэнхэй*.

Для ознакомления с российским опытом пионерского освоения страну неоднократно посещали представители японской администрации и военного командования. Так, осенью 1878 г. во Владивосток приезжал начальник Колонизационного управления (центральный орган по делам Хоккайдо — Кайтакуси) Курода Киётаки. Через несколько лет он совершил кругосветное путешествие, в том числе проехал по России из Владивостока на запад. Он обратил особое внимание на казачьи территории. По результатам поездки Курода Киётаки опубликовал свои дневники («Канъю никки»: отчёт о поездке за границы в трёх томах, 1887 г.), где дал описание и российского казачества [9, с. 75].

Одним из первых посетил Россию основатель японского морского флота и видный политический деятель Эномото Такэаки. В 1874 г. Эномото был отправлен в Россию в качестве чрезвычайного и полномочного посланника (в 1875 г. именно им было подписано русско-японское соглашение о Курилах и Сахалине). Возвращаясь в Японию через Сибирь, он исследовал природные ресурсы, климат, обычаи местных жителей и отразил это в путевом дневнике «Сибэрия никки» («Сибирский путевой дневник», 1878 г.). Дневник начат 26 июля 1878 г. в Петербурге и закончен 28 сентября того же года у оз. Ханка [9, с. 76].

В фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) сохранилось краткое упоминание о поездке по территории уссурийского казачества в 1878 г. вице-адмирала Эномото. Во время этого визита высокопоставленного японского военного сопровождал хорунжий Уссурийского казачьего батальона Яновский [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 633].

Но наиболее подробно изучил роль казачества в Российской империи и особенно на её окраинах генерал Нагаяма Такосиро. 9 марта 1887 г. он вместе с группой сопровождающих лиц получил приказ отбыть в служебную командировку в Соединённые Штаты, Россию и Китай. Перед ними стояла задача посетить «важнейшие места, где лично увидеть истинное положение дел». Основной целью было: «в США ознакомиться и расспросить о действительном положении колонистов на целинных землях страны, в России — ознакомиться с организационной структурой казаков, способами их снабжения и обеспечения и т.д., в Китае — посмотреть развитие земледелия... в суровых погодных условиях в Маньчжурии, и всё увиденное и услышанное должно послужить пособием для осуществления дела освоения целины солдатами колонистами на... Хоккайдо» [3, с. 295; 5, с. 3].

Уже через несколько дней после получения приказа Нагаяма был в Токио, откуда 18 марта 1887 г. группа отправилась через Тихий океан в Соединённые Штаты. Прибыв в город Сан-Франциско, группа пересекла всю территорию страны и из Нью-Йорка отправилась через Атлантический океан в Европу. После посещения ряда европейских стран Нагаяма прибыл в Россию. Началось длительное многомесячное путешествие по России на поездах, повозках, речных и морском судах. Затем группа под руководством генерала пересекла русско-китайскую границу и в Китае посетила многие города и сельские пункты. Закончилось пребывание в этой стране визитом в Шанхай, из порта которого Нагаяма направился на судне в Японию, в Нагасаки, и 24 февраля 1888 г. прибыл в Токио, где путешествие делегации и завершилось.

Из 11 месяцев пребывания в пути и за границей Нагаяма 4,5 месяца путешествовал по России (что составило более 40% от всей продолжительности командировки). Прибыв 19 июня 1887 г. в столицу России, Нагаяма оставался здесь почти месяц. Далее поездом 15 июля приехал в Москву, а уже на следующий день железной дорогой выехал в столицу Донского казачьего войска город Новочеркасск. В области Войска Донского Нагаяма находился с 18 по 23 июля, а затем отправился в дальнейший путь, который до Читы пришлось преодолевать уже на конных повозках. В Чите группа появилась 9 сентября. Далее двигались на речных судах, добравшись 27 сентября до Благовещенска, а 1 октября — до Хабаровки (так тогда именовался Хабаровск). 4 октября отправились из Хабаровки вверх по Уссури и только 12 октября пришвартовались в селе Камень-Рыболов на оз. Ханка. Через двое суток на конных повозках добрались до Владивостока, где находились с 14 по 28 октября, затем на судне вышли в Славянку, куда прибыли 29 октября, а 30 октября на повозке пересекли русско-китайскую границу. Так путешествие Нагаяма по России завершилось.

Результаты этой поездки были впечатляющими. На всём пути следования генерала Нагаяма и его группу встречали весьма благожелательно, гостеприимно. Оказывали всяческое содействие, знакомили с реалиями жизни российского казачества, снабжали всевозможными материалами, статистическими данными, документами, руководствами и т.д. Фактически генерала Нагаяма встречали как представителя дружеской страны, что противоречило японским представлениям «об угрозе с севера».

В Санкт-Петербурге группа генерала Нагаяма была принята заместителем начальника Генерального Штаба России генерал-лейтенантом Облучиевым, начальником Штаба казачьих войск генерал-лейтенантом Золотарёвым, а также начальником Отдела штаба генерал-майором Харошиным. Гостям рассказали о состоянии казачьих войск России, их дислокации, положении в мирное и военное время, системе управления и т.д. В Штабе казачьих войск Нагаяма ознакомили с его структурой, функциями каждого отдела, провели по всем кабинетам, показали казарму, в которой проживали охраняющие Штаб казаки. Везжая из Санкт-Петербурга, гости получили в подарок картины, фотографии и огромное количество книг о казаках, комплектов журналов, учебников, уставов, различных методик, правил и т.д.

Великолепный приём ожидал генерала и на территории казачьих войск, которые он проезжал. Вот одно описание из его дневника: «Повсюду в солдатских деревнях нас тепло встречали и приветствовали проживающие в них военнослужащие и другие люди во главе с атаманом, все они были в полной парадной форме или же в военных мундирах» [5, с. 451]. Дружелюбно принимали Нагаяма и в казачьих войсках востока России. В Чите он общался с исполняющим обязанности командующего войсками Забайкальской области и атамана Забайкальского казачьего войска полковником Гацкерманом. Гости осмотрели казармы казачьих частей, госпиталь, летний лагерь. Визитёрам была предоставлена подробная информация об истории, структуре, порядке формирования, службе, хозяйственном и земельном обеспечении Забайкальского казачьего войска, о системе его управления.

В Благовещенске Нагаяма встречался с губернатором Амурской области, атаманом Амурского казачьего войска генерал-майором Пиневским, получил разнообразную информацию и материалы об Амурском казачестве, осмотрел штаб и казармы. Обратив особое внимание на лошадей амурских казаков, Нагаяма отметил: «Строение черепа, физическое телосложение лошадей очень похожи на лошадей, выведенных на земле нашего Хоккайдо» [6, с. 78]. Радужно встретили Нагаяма и его спутников в Хабаровке. Нагаяма имел беседу с вице-губернатором Бабуренко, генерал-майором Унтербергером и другими руководителями края.

Встреча с уссурийскими казаками, входившими тогда в состав Амурского войска, произошла в станицах на р. Уссури и в с. Камень-Рыболов, где располагался штаб Уссурийского пешего казачьего полубатальона. Группу Нагаяма встретил командир полубатальона капитан Глен и сотня казаков. Гостей доставили в расположение части, где они осмотрели казарму, и Глен рассказал им «о методике обучения казаков и порядке проведения ежедневных занятий с ними».

С казаками группа Нагаяма встретилась и на завершающем этапе своего путешествия. Вот как это описывает в своём дневнике японский генерал: «В 25 верстах от границы России находился отряд охраны — сотня казаков. Эти казаки были призваны на военную службу ... в окрестностях Забайкалья и прибыли сюда для несения службы... Нас тепло встретил командир сотни Соколовский и угостил нас завтраком. Мы накоротке отдохнули. После того, как мы въехали в Маньчжурию, у нас состоялся разговор о сердечности, вежливости, теплоте, проявленных к нам...» [6, с. 199].

После возвращения в Японию Нагаяма представил в мае 1888 г. письменный доклад о поездке и подробное приложение к нему. Его «Дневник путешествия» был опубликован в 2 томах и в настоящее время представляет собой интереснейший литературный памятник своей эпохи. В 1889 г. Нагаяма был удостоен российским императором награды — ордена Святого Станислава 1-й степени.

Основываясь на полученных во время поездки знаниях и опыте, генерал Нагаяма в своих докладах высказывался «о необходимости прилагать все усилия к тому, чтобы всё более и более расширять систему войск, осваивавших Хоккайдо». Обстоятельства благоприятствовали реализации его идеи.

В апреле 1888 г. Курода Киётаки (один из «пионеров» освоения Хоккайдо) стал премьер-министром Японии, а в июне того же года Нагаяма стал губернатором острова. В это время система *тондэнхэй* получает заметный толчок к своему развитию. При её реформировании Нагаяма активно использовал наработки, почерпнутые им в казачьей системе России. Это касается, прежде всего, организационного построения войск, видов и срока службы, самоуправленческих начал в солдатских деревнях, обучения детей и многих других вопросов. Генерал Нагаяма стал «отцом» системы военных поселений на Хоккайдо. В 1885 г. он был назначен начальником штаба *тондэнхэй*.

Данная система предусматривала расселение на границе страны солдат, обязанных в мирное время заниматься земледелием. Она базировалась на принципе создания замкнутых колоний (поселений), населённых молодыми людьми с их семьями, с военной организацией управления. Поселенцы получали значительные и разнообразные льготы при водворении на места проживания, а взамен этого обязаны были нести военную службу в течение 20 лет. По истечении этого срока военные обязанности прекращались и колонисты становились свободными поселенцами. Была разработана правовая база существования системы *тондэнхэй*, включая основной закон от 6 сентября 1890 г. Каждая колония военных поселенцев составляла роту: число домов в роте не должно было превышать 250. Роты соединялись в батальоны.

Первые поселения *тондэнхэй* были основаны в 1876 г. близ Саппоро — административного центра Хоккайдо. К 1890 г. имелось уже 10 батальонов с 2325 солдатами-земледельцами. Новые образования военных поселений продолжались до 1900 г. Всего к этому времени было основано 37 селений (или рот) с 7314 домами (семьями). С 1900 г. на Хоккайдо стали переезжать исключительно добровольные переселенцы.

Военная колонизация сыграла исключительную роль в деле заселения и освоения острова Хоккайдо. Возникло почти четыре десятка образцовых деревень, в которых было поселено более 7000 семей (почти 40 тыс. чел.). Тем самым было доказано, что Хоккайдо, несмотря на климатические условия и почвенные отличия от остальной территории Японии, полностью пригоден для заселения и сельскохозяйственного освоения. Система *тондэнхэй* исполнила свою подготовительную миссию и могла быть заменена другой. Это случилось в начале XX в.

К причинам, вызвавшим отмену системы военных поселений, необходимо отнести следующие. Первая — значительные финансовые затраты на её осуществление: добровольное гражданское переселение обходилось дешевле, но, чтобы оно приобрело массовый характер, нужен был пример. Таковым и были военные поселенцы. Вторая причина — развитие вооружённых сил на острове. Здесь была сформирована регулярная дивизия, и, таким образом, отпала необходимость в защите острова военными поселенцами.

Процесс освоения Хоккайдо японцами по методам и формам реализации был близок к подобным процессам на российском Дальнем Востоке. И это неслучайно. Японцы внимательно изучили опыт освоения восточных окраин Россией, на практике познакомились с первопроходческой ролью казачьих войск. Японские специалисты посетили войсковые территории,

в т.ч. и на российском Дальнем Востоке. На Хоккайдо из России были приглашены строители с целью возведения здесь жилищ в «казачьем духе». Одно из военных поселений на Хоккайдо было полностью возведено по аналогии с русскими казачьими станицами.

Японский исследователь военных поселений Като Сюдзиро выделял следующие основные аспекты системы *тондэнхэй*, в которых, по его мнению, несомненно использовался казачий опыт: во-первых, это сроки прохождения военной службы, во-вторых, виды войск (кавалерия, пехота, артиллерия), в-третьих, институты самоуправления, в-четвёртых, общественное владение частью земель (общинные земли). Мы полностью разделяем эту точку зрения.

Таким образом, наблюдается тесное переплетение исторического опыта российского казачества и японских военных поселенцев в ходе осуществления однотипных процессов пионерного освоения новых государственных территорий Россией и Японией. При этом важно подчеркнуть особые условия использования подобного опыта. И казаки, и японские военные поселенцы появляются на исторической арене прежде всего в неординарных или даже экстремальных ситуациях.

Опыт российского казачества заинтересовал японские власти и в 30—40-х гг. XX в., теперь уже на оккупированной территории Северо-Восточного Китая. Речь идёт о так называемом Трёхречье, куда вынуждены были переселиться казаки-эмигранты из России. Адаптация их к местным условиям оказалась весьма успешной. Этот опыт мог быть полезным для японских колонистов, значительное число которых планировалось переселить на земли Маньчжоу-Го, включая Трёхречье.

Современная японская исследовательница Игауэ Нахо провела колоссальную работу по сбору документальных материалов и опубликованных источников, касающихся казачества Трёхречья. Ею было обнаружено около 40 материалов, относящихся к периоду Маньчжоу-Го. По содержанию значительная часть посвящена сельскому хозяйству региона и образу жизни русских, в первую очередь казаков, описанию истории казачества как военного сословия царской России, его патриотического настроения.

Игауэ Нахо отмечает, что изучение японцами района Трёхречья и его жителей началось с момента образования государства Маньчжоу-Го: «Трёхречье было для местных властей, Квантунской армии, ЯВМ, военной жандармерии и „Кёвакай“ (Маньчжурское императорское Общество Согласия) предметом для постоянного изучения. Исследования перечисленных служб и ведомств носили административно-прикладной характер и проводились с целью выяснения налогового и мобилизационного потенциала этого района» [2, с. 85]. В частности, в 1936 г. Управлением по делам провинции Синань правительства Маньчжоу-Го был издан «Обзор животноводства и сельского хозяйства в районе Трёхречья», составленный на основе выполненных в 1933 г. исследований сотрудников Управления. Далее с 1936 по 1941 гг. научные исследования в районе Трёхречья проводились пять раз: три провело Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии, которое существовало при Харбинском отделении акционерной компании

ЮМЖД (в 1936 г. были проведены предварительные и полевые исследования, а в 1940—1941 гг. — комплексные), дважды исследования осуществлялись под эгидой Общества изучения санитарно-гигиенической обстановки императорского университета по заказу Научно-исследовательского института освоения Маньчжурии (они включали в себя анализ условий жизни населения). «Целью исследований Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии и Токийского императорского университета в районе Трёхречья было определение в интересах японских колонистов-переселенцев оптимальной модели земледелия в районах с холодным климатом» [2, с. 86].

В июле 1942 г. в Токио была издана книга Икэда Гэндзи «Иду по маньчжуро-советской границе. 4 тысячи километров путешествия пешком» [4]. Автор — опытный журналист, писатель и военный разведчик. Книга ставила своей задачей осветить ситуацию в Маньчжурии, в Квантунской армии и на маньчжуро-советской границе. Автор начал свою поездку в сентябре 1941 г. и завершил её в январе 1942 г.

В частности, побывав в Трёхречье, Икэда Гэндзи отмечает суровый климат, упоминает о вечной мерзлоте. Несмотря на эти сложности, автор считает, что «земля здесь вознаграждает жизнь населения и делает её хорошей. Если серьёзно потрудиться четыре месяца летом, то можно обеспечить себе очень богатую жизнь...» [4, с. 25].

Описывая казачьи поселения в Трёхречье, Икэда Гэндзи отмечает: «Казачи использовали с давних времён сложившуюся систему административного управления во главе с атаманами, при которой администрация как в центре, так и на местах осуществляла организационное и культурное руководство территорией» [4, с. 26].

В свою очередь, Игауэ Нахо, обратив особое внимание на цели изучения Трёхречья различными службами Японии и отдельными специалистами, например Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии, сделала следующий вывод: «Что же хотело выяснить Бюро ... Прежде всего, это сельское хозяйство и уклад жизни в районе Трёхречья... Японских исследователей привлекла... модель казачьих хозяйств, в которых основным занятием было животноводство, но при этом они рационально занимались механизированным земледелием. На такой обособленный уклад жизни казачьих общин, как отмечалось в „Докладе о предварительном обследовании сельских поселений района Трёхречья провинции Северный Синань“, оказывали серьёзное влияние атаманская система управления, иерархическая структура общины, система найма и занятости, различия в причинах и времени поселения» [2, с. 88—89].

Игауэ Нахо подчёркивает: «целью японских исследований сельских поселений Трёхречья было привлечение японских переселенцев в этот район... В 1938 г. Бюро по изучению экономики Северной Маньчжурии подготовило и издало „Доклад о предварительном обследовании пригодных для японских переселенцев-колонистов территорий провинции Северный Синань и Восточный Синань“. В нём использовались сведения, собранные в районе Трёхречья... Приводились конкретные расчёты, по которым в Трёхречье на площади 188 тыс. га возможно было организовать 4699 хозяйств японских

переселенцев-колонистов. В этом докладе указывалось, что т.к. численность населения Трёхречья составляет 9557 чел., а площадь сельскохозяйственных угодий — 20 тыс. га, то в случае переселения в этот район указанного в расчётах числа японских переселенцев-колонистов ситуация изменится коренным образом». При этом авторы доклада подчёркивали, что хозяйства японских переселенцев-колонистов целесообразно обустроить по русской модели, предполагающей животноводство и земледелие с использованием тягловой силы животных» [2, с. 89].

Как отмечают российские специалисты, столь масштабным планам освоения японскими переселенцами земель Северо-Востока Китая не суждено было сбыться. Попытки «официальных властей основать поселения японских колонистов в сельских районах СВК были не очень успешными, однако большие участки земель приобрели японские колонизационные организации и компании „Общество развития Маньчжурии“, „Общество освоения Маньчжурии“ и др.» [1, с. 14—15]. В 1945 г. примерно 10—15% обрабатываемых земель находилось в собственности японских поселенцев и земельных компаний, а также у правительства Маньчжоу-Го [1, с. 14].

Игауэ Нахо также констатирует, что в 40-е гг. японская программа переселения в Маньчжурию в связи с ухудшившимся положением Японии во время Второй мировой войны практически полностью заглохла. Число поселений японских колонистов в районе Хулун-Буира, включавшего в себя Трёхречье, было невелико, что обуславливалось также значительной удалённостью этого района от Японии.

Весьма интересна характеристика хозяйств японских колонистов в Трёхречье, данная Игауэ Нахо: «Сельские хозяйства японских переселенцев в этом районе имели свои отличия от других поселений японских колонистов. Эти отличия полностью совпадали по своей сути с предложениями Бюро по изучению экономике Северной Маньчжурии о внедрении и применении способов хозяйствования казаков Трёхречья» [2, с. 90].

Она отмечает, что с 30-х гг. в Трёхречье существовало два японских крестьянских хозяйства, которые назывались «Ферма „Кёва“ Трёхречья» и «Ферма „Кёда“ Трёхречья». Первое было создано в 1933 г., вначале дела в нём шли не очень гладко, но в 1935 г. его преобразовали в сельскохозяйственный кооператив. В 1938 г. насчитывалось 4 члена кооператива и семь наёмных рабочих из числа китайцев и русских, а площадь сельскохозяйственных угодий составляла около 260 га. Обработка земли велась под руководством русского Чегодаева из деревни Верх-Кули. «Ферма „Кёда“ Трёхречья» было основано в 1936 г. Окабэ Исао и его единомышленниками, а к 1938 г. была построена и «Ниси-но фурусато» (Малая родина на Западе). В 1938 г. все участники «Фермы „Кёда“ Трёхречья», состоявшей из пяти хозяйств с общей площадью угодий в 100 га, перевезли из Японии свои семьи. Кроме того, 11 семей «Ниси-но фурусато» занялись строительством домов и разработкой целинных земель. Способы хозяйствования на «Ферме „Кёдо“ Трёхречья» были точно такими же, как в русских хозяйствах Трёхречья. Как описывает сам Окабэ, он, перед тем как основать собственное хозяйство, в течение года жил в русской семье в деревне Драгоценка

и изучал не только способы возделывания земли, но и пищу, одежду и быт. Поэтому в своём хозяйстве японцы жили в избах, спали на кроватях, употребляли в пищу молоко, как русские [2, с. 90—91].

Позднее, в 1940 г. Добровольческий корпус колонистов в Маньчжурии открыл учебный центр, в котором за два года прошло обучение около 300 молодых переселенцев, которые основали в Трёхречье три поселения колонистов — «Кохуку», «Кокэй» и «Ямато». Начальником этого центра был назначен Окабэ Исао, обучавший переселенцев русскому (казачьему) способу хозяйствования. Однако большое количество японцев, особенно крестьян-переселенцев, даже в районах с холодным климатом продолжали сохранять привычный для них образ жизни [2, с. 91].

Популярность региона среди японских учёных описывается в предисловии к опубликованной в 1943 г. работе «Условия жизни русских в Трёхречье и Северной Манчжурии» — одной из многих выпущенных Южно-Маньчжурской железнодорожной компанией: «хотя (русские деревни в Трёхречье) сегодня и славятся своим молочным хозяйством, их жителям пришлось проделывать для их (деревень) обустройства отнюдь не лёгкий, но тернистый путь. Нельзя не заметить, что их успех происходит из свойственного славянам усердия ... — отмечают авторы предисловия. — Ввиду различающихся природных условий и образа жизни его (образ жизни) сложно перенять; но нужно отдать должное их многолетнему опыту жизни в холодных северных землях. Поскольку в их методах ведения хозяйства и образе жизни есть многое чему можно поучиться, мы должны перенять эти достоинства, чтобы хотя бы постепенно приспособиться к северному климату» [7, с. 131].

Хозяйственно-экономический комплекс, сложившийся под влиянием определённых природно-географических, территориальных, демографических и политических факторов, выступал в качестве объективных условий для формирования специфики быта, характера разнообразных сторон жизни и форм общения людей, воспитания и развития потомков местного казачества. В целом этот богатейший опыт всестороннего освоения новых территорий (как на родине, так и в условиях зарубежья) российского казачества не мог не заинтересовать японских специалистов. Во второй половине XIX в. они успешно применили его в ходе освоения самого северного о-ва Хоккайдо, а в середине XX в. в совершенно иных условиях Северо-Восточного Китая на оккупированных территориях они вновь попытались использовать казачий опыт в Трёхречье. Но там эта попытка имела лишь частичный успех и исторически была обречена на провал.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белоглазов Г.П. Аграрная реформа в Маньчжурии (Северо-Восточный Китай). 1945—1949 гг. Владивосток: Дальнаука, 2009. 199 с.
2. Игауэ Нахо. Японские исследования казацких сёл в Хулун-Буйре (Трёхречье) в Маньчжоу-го // Материалы XXV Российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сб. ст. Владивосток: Дальнаука, 2010. 304 с.

3. Икуро Ятаро, Катаяма Кэйдзи. Четыре столпа Хоккайдо: Курода, Кэпурон, Ивамура и Нагаяма. Саппоро, 1909. С. 295.
4. Икэда Гэндзи. Иду по маньчжуро-советской границе. 4 тыс. километров путешествия пешком. Токио: компания «Асахи Симбунся», 1942. 233 с.
5. Нагаяма Такосиро. Сюю никки дзёкан = Дневник путешествия. Токио, 1987. Т. 1.
6. Нагаяма Такосиро. Сюю никки дзёкан = Дневник путешествия. Токио, 1987. Т. 2.
7. Сёрен Урбански. Русские казаки в Маньчжурии // Восточная Коллекция. 2014. № 3 (58). С. 120—133.
8. Совастев В.В., Жучкова С.М. Влияние прусского опыта государственного строительства на политическое развитие Японии // Россия и АТР. 1999. № 4. С. 81—86.
9. Тамура Айка. Японская историография отношений Японии и Дальнего Востока России. Последняя треть XIX в. — конец 1920-х гг. XX в. // Россия и АТР. 2005. № 1. С. 75—84.
10. Хоккайдо: История и современность: справочник. Владивосток: ДВО РАН, 1992. 206 с.
11. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Beloglazov G.P. *Agrarnaya reforma v Man'chzhurii (Severo-Vostochnyj' Kitaj). 1945—1949 gg.* [Land reform in Manchuria (Northeast China). 1945—1949]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2009, 199 p. (In Russ.)
2. Igaue' Naxo. *Yaponskie issledovaniya kazackix sel v Xulun-Bujre (Tryoxrech'e) v Man'chzhuo-go* [Japanese studies of Cossack villages in Hulunbuir (Ergun) in Manchukuo]. *Materialy' XXV Rossijsko-yaponskogo simpoziuma istorikov i e'konomistov DVO RAN i rajona Kansaj (Yaponiya): sbornik statej* [Materials of the 15th Russian-Japanese symposium of historians and economists of FEB RAS and the Kansai region (Japan)]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2010, 304 p. (In Russ.)
3. Ikuro Yataro, Katayama Ke'jdzii. *Chety're stolpa Hokkajdo: Kuroda, Ke'puron, Ivamura i Nagayama* [Four pillars of Hokkaido: Kuroda, Kepuron, Iwamura, and Nagayama]. Sapporo, 1909, 295 p. (In Japan.)
4. Ike'da Ge'ndzi. *Idu po man'chzhuro-sovetskoj granice. 4 ty's. kilometrov puteshestviya peshkom* [Going through the Manchurian-Soviet border. Four thousand kilometers of the trip on foot]. Tokio: kompaniya "Asaxi Simbunsiya", 1942, 233 p. (In Japan.)
5. Nagayama Takosiro. *Syuyu nikki dzyokan* [The travel journal]. Tokio, 1987. Т. 1. (In Japan.)
6. Nagayama Takosiro. *Syuyu nikki dzyokan* [The travel journal]. Tokio, 1987. Т. 2. (In Japan.)
7. Syoren Urbanski. *Russkie kazaki v Man'chzhurii* [The Russian Cossacks in Manchuria]. *Vostochnaya Kollekcija*, 2014, no. 3 (58). pp. 120—133. (In Russ.)
8. Sovastev V.V., Zhuchkova S.M. *Vliyanie prusskogo opy'ta gosudarstvennogo stroitel'stva na politicheskoe razvitie Yaponii* [Influence of the Prussian experience of state building on the political development of Japan]. *Rossiia i ATR*, 1999, no. 4. pp. 81—86. (In Russ.)
9. Tamura Ajka. *Yaponskaya istoriografiya otnoshenij Yaponii i Dal'nego Vostoka Rossii. Poslednyaya tret' XIX v. — konec 1920-h godov XX v.* [Japanese historiography of the relations between Japan and the Russian Far East. The last third of the 19th century — the end of the 1920s of the 20th century]. *Rossiia i ATR*, 2005, no. 1. pp. 75—84. (In Russ.)
10. *Hokkajdo: Istoriya i sovremennost': spravochnik* [Hokkaido: History and contemporaneity: Guide book]. Vladivostok: DVO RAN publ., 1992, 206 p. (In Russ.)